

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.03

Правильная ссылка на статью:

Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А. Что такое «маскулинность»? Понятийные отмычки критических исследований мужчин и маскулинностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 48—73. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.03>.

For citation:

Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. (2018) What is “Masculinity”? Conceptual Keys to Critical Studies in Men and Masculinities. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 48—73. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.03>.

Е. А. Здравомыслова, А. А. Тёмкина ЧТО ТАКОЕ «МАСКУЛИННОСТЬ»? ПОНЯТИЙНЫЕ ОТМЫЧКИ КРИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МУЖЧИН И МАСКУЛИННОСТЕЙ

ЧТО ТАКОЕ «МАСКУЛИННОСТЬ»? ПОНЯТИЙНЫЕ ОТМЫЧКИ КРИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МУЖЧИН И МАСКУЛИННОСТЕЙ

WHAT IS “MASCULINITY”? CONCEPTUAL KEYS TO CRITICAL STUDIES IN MEN AND MASCULINITIES

ЗДРАВОМЫСЛОВА Елена Андреевна — к. с. н., профессор, со-директор программы «Гендерные исследования» факультета социологии и философии, Европейский университет, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: zdrav@eu.spb.ru

<http://orcid.org/0000-0001-7867-0221>

*Elena A. ZDRAVOMYSLOVA*¹ — *Cand. Sci. (Soc.), Professor, Co-Director of the Gender Studies Program*

E-MAIL: zdrav@eu.spb.ru

<http://orcid.org/0000-0001-7867-0221>

¹ European University, Saint Petersburg, Russia

ТЁМКИНА Анна Адриановна — PhD в социологии, профессор, со-директор программы «Гендерные исследования» факультета социологии и философии, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: temkina@eu.spb.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7988-8310>

Anna A. TEMKINA¹ — PhD in Sociology, Professor, Co-Director of the Gender Studies Program
E-MAIL: temkina@eu.spb.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7988-8310>

¹ European University, Saint Petersburg, Russia

Аннотация. Данная статья рассказывает о ключевых категориях, которые определяют поле критических исследований мужчин и маскулинности (Critical Men's Studies), широко применяются в гендерных исследованиях в целом и даже проникают в публичный дискурс. Мы рассматриваем центральный концепт данной области знания — «гегемонная маскулинность» — и его использование для анализа иерархии «субординированных» и «маргинализованных» маскулинностей. Мы также анализируем такие дискурсивные конструкты-дериваты «гегемонной маскулинности», как «кризис маскулинности» и метафора «разгневанных белых мужчин». В итоге данные понятийные отмычки позволяют нам осмыслить интерсекциональный поворот в современных гендерных исследованиях, суть которого так трудно бывает объяснить широкой общественности.

Ключевые слова: маскулинность, гегемонная маскулинность, интерсекциональность иерархии маскулинностей

Abstract. This article focuses on the key categories, which define the field of Critical Men's Studies, widely used in gender studies and even emerge in public discourse. We consider the central concept of this field of knowledge — “hegemonic masculinity” — and its use to analyze the hierarchies of “subordinated” and “marginalized” masculinities. We also analyze such discursive derivative constructs of “hegemonic masculinity” as the “crisis of masculinity” and the metaphor of “angry white men”. As a result, these conceptual keys allow us to comprehend the intersectional turn in modern gender studies, which is so difficult to explain to public.

Keywords: masculinity, hegemonic masculinity, intersectionality masculine hierarchies

Игорь Семенович Кон иронично называл свою книгу «Мужчина в меняющемся мире» «введением в *«Мужиковедение»*, обозначая тем самым свой академический интерес к тому, «что происходит с мужчинами в современном мире, в котором они постепенно утрачивают свое бывшее господство и гегемонию» [Кон, 2009а: 5]. Классик российской сексологии рассуждает о своем непростом терминологическом выборе, который свидетельствует об авторских эпистемологических предпочтениях и сложностях трансфера знания. Первоначально Кон хотел назвать

свой проект «Введением в социальную андрологию» или «науку о мужчинах» [Там же: 9], однако затем отказался от этого названия, посчитав его слишком узким и медиализированным, не соответствующим исповедуемому им широкому междисциплинарному методологическому подходу. Кон сделал выбор в пользу западной традиции обозначения исследовательского поля — исследований мужчин и мужественности. Мы же предпочитаем называть это исследовательское поле *критическими исследованиями мужчин и маскулинности* (здесь и далее — КИМиМ). По сути, мы обсуждаем одну и ту же область производства знания, но в нашем обозначении подчеркиваем имманентную для гендерного подхода критическую составляющую.

Данное направление складывалось с конца 1970-х гг., постепенно завоевывавшая автономию в поле гендерных исследований. Наша задача — прояснить категориальный аппарат, который стал известен российскому читателю благодаря междисциплинарным корпоративистским социально-историческим работам Игоря Семеновича Кона (например, [Кон, 2001, 2009аб]), переводам гендерной классики и публикациям других коллег: [Киммел, 2006], [Костерина, 2008, 2010], [Рождественская, 2002], [Тартаковская, 2005], [Здравомыслова, Арутюнян, 1998], [Чернова, 2003], [Юрчак, 2002] и др. В российском академическом поле этот категориальный аппарат стал видимым в конце 1990-х гг. и именно Кон явился академическим проводником и публичным интеллектуалом, обогатившим наше, в том числе и локальное, российское, понимание гендера и власти.

Итак, нас интересует содержательное наполнение ключевых категорий критических исследований мужчин и маскулинностей (Critical Men's Studies). Эти категории в дальнейшем получили широкое применение в гендерных исследованиях в целом, внося существенный теоретический вклад в осмысление гендерных различий, неравенства и гендерного порядка. При описании семантического поля необходимо учитывать проблемы перевода: в частности, в русском языке существует соответствие слову «маскулинность» — «мужественность» [О муже(N)ственности, 2002], — однако оно скорее отсылает к чертам характера и культурным коннотациям с храбростью, отвагой и смелостью. Поэтому мы здесь, вслед за И. С. Коном, в основном используем термин «маскулинность» [Кон, 2009а: 44—46].

Используя в названии статьи метафору «понятийных отмычек», мы полагаем, что аналитические инструменты КИМиМ претендуют на «универсальность». Понятийный аппарат исследований маскулинности позволяет увидеть в «нейтральном» человеке мужского пола разнообразие моделей мужского поведения, норм и репрезентаций, т. е. развить теоретическую чувствительность в отношении культурно заданных гендерных иерархий. При учете культурных и контекстуальных особенностей и критическом восприятии данные понятия могут становиться эвристичными и в российском контексте. Так, «понятийные отмычки» — это такие аналитические инструменты, которые работают в разных дисциплинарных полях и оказываются притягательными для изучения разных аспектов проблематики.

Итак, в этой статье — после краткого обзора основных методологических принципов КИМиМ — мы рассмотрим понятие «маскулинность», затем центральный концепт «гегемонной маскулинности» и сопряженные с ним категории, используемые для анализа иерархии моделей мужского поведения и образов

мужественности, а также понятие «кризис маскулинности». Далее — с позиции теории интерсекциональности будут рассмотрены пересечения различных форм социального разделения и неравенства: расы, гендера, класса, сексуальности, возраста, миграции.

Базовые принципы КИММ

Исследования мужского социального опыта и моделей мужественности сформировались как относительно автономная сфера гендерных исследований в 1980-е гг. В английском языке это направление получило названия “*critical men’s studies*”, “*studies in men and masculinities*”, “*masculinities theory*”. Иногда его также называют «мужскими исследованиями» (Men’s Studies), руководствуясь принципом лингвистической экономии и по аналогии с «женскими исследованиями» (Women’s Studies). Однако большинство авторов, обсуждающих институциональную историю этого поля исследований (см., напр., [Kimmel, Hearn, Connell, 2005]), считает, что такое название вводит в заблуждение, поскольку «женские исследования» — это проект производства знания, сфокусированный на опыте субординированной гендерной категории, что определяет ориентированную на деконструкцию бинарной гендерной оппозиции методологическую позицию исследований. Более подходящими для обозначения фокуса своих работ исследователи, ставшие в авангарде обсуждаемого направления, считают: «исследования мужчин и маскулинностей», «критические исследования мужчин», «теория маскулинностей».

Причинами растущего интереса к исследованиям разнообразия и иерархии мужского опыта являются глобальные трансформации гендерного порядка, возрастающая общественная рефлексия в отношении гендерных границ и норм сексуальной жизни, явное противостояние патриархатных и эгалитарных гендерных идеологий. В последние декады XX — начале XXI вв. на глобальной сцене происходят изменения нормативных моделей и поведенческих паттернов маскулинности и фемининности. Российское общество не является исключением — в последние декады гендерные образцы стремительно меняются в ходе структурных трансформаций и в контексте глобальных вызовов. Расширение сферы нормативности и плюрализация маскулинных ролей конкурирует с попытками их традиционализации и призывами следовать исключительно «естественным» ролям добытчика и защитника.

Однако истоки социальных изменений и становления данного направления знаний в первую очередь находятся в западных постиндустриальных странах, где появляются общественные движения, ориентированные на освобождение от узких традиционалистских трактовок мужской роли и соответствующих практик, ставящие перед собой задачу борьбы против различных аспектов дискриминации и эксплуатации мужчин. Так, в ходе второй волны женского движения, вторя аналогичным феминистским инициативам, возникали группы роста сознания мужчин, осознавших личные проблемы мужского опыта как политические, то есть порождаемые патриархатным устройством общества. Движения гомосексуалов подвергли критике тезис о непреложной гетеросексуальной норме, при которой дихотомия гетеро- и гомосексуальности является центральным символом неравенства между мужчинами. В контексте пересмотра гендерных границ как стратегии

контрнаступления на культурном фронте возникают и консервативные движения мужчин, мобилизующиеся против тех эффектов изменений, которые обозначают как «избыточная» эмансипация женщин и торжество ЛГБТ-повестки. По существу, они борются против утраты патриархатных привилегий [Carrigan, Connell, Lee, 1985], [Connell, 2005], [Messner, 1997], [Kimmel, 2013].

КИМиМ объединяют приверженцев разных теорий: структурного марксизма, постструктурализма, теории практик, психоанализа, пост-колониальных и квир-теорий [Hearn, Collinson, 2018], исследователей культурных различий, глобального неравенства и неолиберальной глобализации [Connell, 2014]. При всем разнообразии теоретических оснований конкретных проектов, все исследования мужчин и маскулинностей, как и гендерные исследования в целом, опираются на несколько общих эпистемологических принципов, которые вместе составляют консенсус академического феминизма в его структурно-конструктивистском изводе (см., например: [Здравомыслова, Тёмкина, 2015]; [Connell, Hearn, Kimmel, 2005: 2—3]). Сформулируем ниже эти принципы.

Принцип первый: *критическая и трансформационная перспектива в производстве социального знания.* КИМиМ относятся к сфере знания, направленного на социальные изменения, а не только на понимание и объяснение социальных феноменов. Изменения — в том числе и в сфере гендерных отношений — могут быть разновекторными и опираться на различные представления о желаемом будущем. Критическое производство знания в сфере гендерных отношений нацелено на вскрытие и преодоление механизмов патриархатного неравенства, власти, господства и угнетения — в частности, одних групп мужчин другими.

Принцип второй: *маскулинность рассматривается как социальный конструкт.* Образцы поведения мужчин и культурные модели маскулинности интерпретируются как имеющие культурное и социальное происхождение. Они возникают и проявляются в конкретном историческом контексте в результате действий социальных механизмов и не могут быть поняты как прямые дериваты биологических особенностей пола.

Принцип третий: *относительный характер мужских позиций и репрезентаций маскулинности.* Исследователи придерживаются реляционного подхода в изучении гендерных границ и их трансформаций. Это означает, что изменение мужского опыта и его осмысления рассматриваются как неразрывно связанные с изменением позиции женщин в обществе и культуре. Так, модели маскулинности неизбежно меняются в связи с массовым вовлечением женщин в сферу оплачиваемой занятости и публичной политики. Сексуальная революция также принципиально меняет социально сконструированные границы между группами, определяемыми по признаку пола. Изменения маскулинности происходят под давлением структурных изменений и общественных движений, пересматривающих гендерные и сексуальные границы (в том числе ЛГБТ или LGBTIQ+¹ движений).

Принцип четвертый: *признание множественности и разнообразия гендерных позиций и моделей маскулинности.* КИМиМ опираются на признание многообра-

¹ Лесбиянки, геи, бисексуалы, трансгендеры, интерсексуалы, квир и другие ненормативные гендерные идентичности и сексуальности (пер. с англ. — Lesbian, Gay, Bisexual, Transgender, Intersex, Queer and Further Non-Normative Genders and Sexualities).

зия маскулинностей (diversity), при этом разные социальные позиции и образцы рассматриваются как находящиеся в отношениях иерархичности и субординации, пересекаясь с классовыми и расовыми отношениями. Конкретная эмпирически выделяемая модель (конфигурация практик) маскулинности формируется на перекрестке структурных разделений, значимых для общества [Aboim, 2010].

Принцип пятый: *фокус исследования — отношения власти и механизмы создания различий и неравенства.* Исследования показывают, что мужчины как воображаемая (или статистическая) группа в целом обладают преимуществами в случае субординированной позиции женщин (опять-таки, как воображаемой или статистической группы). При этом в конкретных ситуациях или институциональных контекстах женщины могут иметь большую или равную гендерную власть — например, в домохозяйстве или сфере эмоциональных отношений [Carrigan, Connell, Lee, 1985].

Принцип шестой и, возможно, самый главный — *интерсекциональный поход в анализе гендерного порядка.* Этот, пока мало представленный в российских исследованиях, подход мы опишем несколько подробнее.

Интерсекциональный анализ как ключевой принцип современных КИМ и М

Ключевая категория — *intersectionality* (интерсекциональность, пересечение, сплетение) — это метафорический термин, который отсылает к образу перекрестка, места пересечения множества дорог — магистральных осей социального неравенства, которые определяют привилегии (или их отсутствие) и жизненные шансы членов общества. Переплетение расовых (этнических), классовых, гендерных осей координат создает ядро структурных условий, определяющих позиции людей в современном обществе². Однако не менее значимыми могут быть и иные различия — по критерию возраста, состояния здоровья, гражданскому статусу. Конкретный интерфейс интерсекциональности контекстуален и определяется культурным наследием и социально-культурной политикой.

Интерсекциональный анализ смещает фокус гендерных исследований от бинарной оппозиции мужского и женского опыта к анализу множественности гендерных позиций, порожденных комплексным действием механизмов господства и угнетения. Эти формы угнетения не действуют изолированно и независимо друг от друга, они взаимно обуславливают друг друга, создавая матрицу господства-подчинения. Приоритетная задача исследований — обращать внимание на социальные позиции женщин и мужчин, которые образуются механизмами угнетения и исключения [Yuval-Davis, 2006], [Lykke, 2006], [Здравомыслова, Тёмкина, 2017].

Представление о комплексном взаимообуславливании множественных систем неравенства позволяет обращать внимание на то, как формируются разные типы маскулинности и связанные с ними привилегии. Одни позиции обеспечивают мужчинам, которые их занимают, власть и ресурсы, другие — маргинализуются и подвергаются исключению. При этом властный потенциал мужской позиции определяется такими социальными параметрами, как принадлежность к клас-

² Сексуальное гражданство нами в данном случае рассматривается как аспект гендерного гражданства. См. также: [Кундаков, 2012].

су, этничность, расовая категория, сексуальная идентичность [Kimmel, Messner, 2009], [Hearn, Collinson, 2006], [Hearn, 2011], [Hearn, Louvrier, 2015].

Данные принципы изучения мужского опыта нашли применение при анализе российского гендерного порядка, помогая исследователям интерпретировать опыт мужчин как сформированный и формирующий политику гендера, а собственную интеллектуальную позицию совмещать с практиками критического анализа [Ваньке, Тартаковская, 2016], [Костерина, 2008, 2010], [Рождественская, 2002]; [О муже(Н)ственности, 2002].

В рамках КИМИМ формулируются и впоследствии широко используются понятия «гегемонной» и «субординированной» маскулинности, дискурсивного «кризиса маскулинности». Эти аналитические категории стали популярными за пределами академического мира: их используют блогеры и журналисты, рассуждая о нормативной маскулинности и повседневном опыте мужчин. В целом, эти ключевые категории, на наш взгляд, позволяют осмыслить патриархатные механизмы по-новому, фокусируя внимание на разнообразии моделей мужского поведения, субординации, маргинализации и угнетении патриархатом определенных категорий мужчин, а не только женщин.

Обратимся к толкованию основных терминов КИМИМ. Мы назвали их понятиями отмычками, потому что именно они являются ключами понимания теоретического вклада этого направления в гендерные исследования и публичный дискурс.

«Маскулинность» как социальная позиция и дискурс

Термин «маскулинность» обозначает поведение, социальные роли и свойства, приписываемые мужчинам в конкретном обществе, сообществе или институте, а также культурные значения, атрибутируемые мужчинам и их опыту. Это сложное понятие, охватывающее и позицию мужчин в структуре гендерного порядка, и практики (включающие телесный опыт), и культурные модели, находящие выражение в повседневном дискурсе [Connell, 2005: 71].

«Маскулинность» — это относительная категория, обретающая смысл в определенном контексте гендерных систем и различий как противопоставленная категории «фемининность» («женственность»). «В культуре, не рассматривающей женщин и мужчин как носителей полярных характеров, не существует, по крайней мере, принципиально, понятия маскулинности в том смысле, которым оперирует современная европейская/американская культура» [Connell, 2005: 68]. «Маскулинность» как «относительная» гендерная категория конструируется в определенных гендерных порядках и режимах [Pearse, Connell, 2016]. Она получает телесное выражение в различных институциональных контекстах (гендерных режимах), таких как армия, корпорация, семья, здравоохранение, школа, государство, и существует в культуре как позиция в символических репрезентациях глобального и локального масштаба.

Интерпретация «маскулинности» связана с тем, как исследователь интерпретирует гендер — как структуру, социальную роль, взаимодействие, практики, ограниченные структурными условиями [Connell, 2000: 17—18], или как перформативный акт [Butler, 1990].

«Гегемонная маскулинность» и мужские патриархатные привилегии

Для деконструкции иерархии маскулинностей исследователи используют комплекс понятий: «гегемонная», «субординированная» и «маргинализованная» маскулинности. Гегемонной маскулинности соответствует парная модель «настоящей» или «утрированной» женственности.

Первое систематизированное описание понятия «гегемонная маскулинность» приводится в статье Т. Карригана, Р. Коннелла и Дж. Ли «Развивая новую социологию маскулинности» [Carrigan, Connell, Lee, 1985: 591—592]. В этой работе «гегемонная маскулинность» определяется как механизм функционирования патриархата, который гарантирует легитимность подчиненного (субординированного) положения женщин и некоторых групп мужчин [Connell, 2005: 77], [Кон, 2009а], [Бёрд, 2008: 19].

Ключевым для истолкования этого понятия являются неразрывно связанные друг с другом термины «патриархат» и «гегемония». «Патриархат» понимается как система мужского превосходства, осуществляемая благодаря механизму гегемонной маскулинности. Как матрица символической власти «патриархат» подразумевает подчиненное положение женщин по отношению к мужчинам вообще и не вызывающее сомнений господствующее положение одной из позиций мужественности.

Термин «гегемонная маскулинность» содержит отсылки к понятию «гегемония», изначально разработанному философами-неомарксистами А. Грамши и Л. Альтюссером. Гегемония трактуется как стратегия символического (идеологического) господства, которая находит выражение в культуре, повседневной жизни и практиках взаимодействия [Коннелл, 2015], где символическое господство означает, что определенные нормы и культурные образцы становятся здравым смыслом общества и не подвергаются сомнению. Данный термин используется, чтобы подчеркнуть критическое отношение исследователей к патриархатной маскулинности и предписываемым ею мужским ролям и гендерным границам (см. также: [Бурдые, 2005]). Символическое господство — непрерываемый высокий престиж определенных паттернов мужественности — закрепляется в идеологии (в том числе в религиозных доктринах), практиках социализации, культурных репрезентациях, на уровне субъективной идентичности. Эти образцы воспроизводятся в продукции СМИ, структуре заработной платы, дизайне жилища, политике налогообложения и т. д. [Коннелл, 2015]. Гегемония, поддержанная идеологическими аппаратами, воспроизводится не только на сознательном уровне: она работает на уровне индоктринированного бессознательного и именно потому не подвергается сомнению и считается истиной в последней инстанции.

Основная характеристика гегемонии — социальный консенсус в отношении господства, то есть общественная поддержка предписаний о вариантах поведенческих образцов. В частности, гендерный анализ гегемонной маскулинности выявляет социально-культурные механизмы ее воспроизводства в разных сферах социальной жизни — в мире оплачиваемого труда и досуговой деятельности, в сексуальной жизни и сфере заботы о зависимых членах семьи, в нерелексированных рутинных действиях [Connell, Messerschmidt, 2005: 842].

Гендерная иерархия патриархатного символического порядка базируется на двух принципах. Во-первых, она опирается на признание мужского превос-

ходства над женщинами как воображаемым социальным сословием (классом, группой). Во-вторых, воспроизводится гегемонный образец мужского поведения, по отношению к которому другие варианты оказываются подчиненными и исключенными [Connell, 2005: 78].

Гегемонная маскулинность контекстуальна, хотя и представляется, что ряд ее характеристик имеет транснациональное значение в современных обществах — то есть существуют глобальные эффекты. Гегемонная маскулинность в современных США описывается с помощью ряда характеристик социального положения успешных мужчин, которые вызывают романтическое желание у большого количества женщин и в потенциале рассматриваются как прекрасные супружеские партнеры (что также является эффектом гегемонии). Гегемонная маскулинность — это властная позиция в рамках символического гендерного порядка, позволяющая осуществлять господство (контроль) над женщинами и субординированными/маргинализированными мужчинами. Для этой позиции на верхних ступенях символической гендерной иерархии характерно ядро взаимосвязанных характеристик. Во-первых, такая позиция мужчин предполагает стабильно высокий уровень материальной обеспеченности, позволяющий поддерживать себя, семью и домохозяйство, по крайней мере, на уровне среднего класса. Во-вторых, с этой позицией ассоциируются высокий образовательный и профессиональный статус, подтвержденный дипломом и/или сертификатом о профессиональной подготовке. В-третьих, такую позицию занимают гетеросексуальные мужчины, как правило, подтверждающие свою сексуальную ориентацию браком [Hodges, Budig, 2010: 723].

Даже в современном обществе, где произошла, хотя и не завершенная, гендерная революция, гегемонная позиция приносит преимущества и выгоды, которые Коннелл называет «патриархатными дивидендами» [Connell, 2005: 82]. Эти дивиденды (или преимущества) встроены в статусные позиции, занимаемые успешными мужчинами, и поддерживаются структурным экономическим неравенством между мужчинами и женщинами [Connell, 2000: 25]. Мужчины, занимающие такие позиции, заинтересованы в сохранении существующих гендерных границ, которые воспроизводят их экономическую и политическую власть и более высокий статус относительно женщин в целом и мужчин, относимых к другим более низким категориям [Бёрд, 2008: 20]. Гегемонная маскулинность постоянно должна себя подтверждать и воспроизводить символически, поскольку в современном обществе она вызывает сопротивление субординированных групп [Carrigan, Connell, Lee, 1985: 598], идет символическая борьба за изменение гендерных границ и, соответственно, разрушение гегемонии.

Концепт «гегемонная маскулинность» получил широкую популярность в академическом контексте и за его пределами; широко используется в конкретных эмпирических исследованиях в самых разных полях — от изучения образования и психотерапии до анализа преступности и насилия [Connell, Messerschmidt, 2005: 830—832]. Исследователи выявляют механизмы гегемонии, изучают различия моделей маскулинности и способы их изменения. Они показывают, как, например, в СМИ позитивно представляется один тип маскулинности, в то время как субординированные группы остаются невидимыми или криминализируются. Исследуются образцы маскулинности, характерные для конкретных институциональных кон-

текстов: в школах, в армии, в спорте, в бюрократических организациях, в семье, в сфере здоровья и сексуальных отношений [Connell, Messerschmidt, 2005: 833—834], [Connell, 2002], [Kimmel, 2005], [Hochschild, Machung, 2003].

Данный концепт используется также российскими авторами при обсуждении того, какие типы маскулинности претендуют на гегемонию в советском и постсоветском российском обществе, каковы привилегии и издержки нормативных предписаний адресованных мужскому полу, как утверждается маскулинная гегемония и чего это стоит ее носителям. Модели маскулинности — в том числе той, которая претендует на гегемонию здесь и сейчас — не являются вечными и беспроблемными. Проиллюстрируем нашу мысль конкретными примерами современной российской культурной продукции.

В массово популярном позднесоветском фильме «Москва слезам не верит» (реж. В. Меньшов, 1979)³ репрезентируется претензия на гегемонную маскулинность, воплощенная в модели поведения Гоши (герой А. Баталова). Положительный герой «укрошает» эмансипированную героиню Катю (роль В. Алентовой), воплощает позицию успешного уважаемого гетеросексуального рабочего-интеллигента. Гоша провозглашает свою символическую власть: «<...> все и всегда я буду решать сам. На том простом основании, что я — мужчина». Гоша не только зарабатывает, как он думает, больше своей подружки; он готов применить силу в защите слабого, способен на принятие решений и сильные чувства.

Еще один пример, приближающий обсуждение понятийного аппарата КИМИМ к российскому контексту, можно обнаружить в романе А. Терехова «Немцы»⁴. В образе главного героя там представлен пример относительно новой для российского общества успешной, эффективной, рациональной маскулинности, которая претендует на гегемонию, но проблематизируется автором. Главный герой романа, названный странным именем Эбергард, — экономически состоятельный преуспевающий мужчина среднего возраста, не лишенный обаяния и способный к глубоким чувствам. Он может обеспечить себе и своим близким многие престижные блага «нового праздного класса» — в первую очередь, доступ к дорогому потреблению и высокое качество жизни (жилищные условия, медицинское обслуживание, отдых, пр.). Он — профессионал, в совершенстве владеющий правилами игры своей сферы занятости. Его компетенция востребована, и он может многим диктовать свои условия, подчиняя чуждым им воле и правилам игры. До определенного момента он считает окружающий мир «прозрачным, постижимым и подвластным ему».

Однако его карьера, благополучие, власть, позиция — основа гегемонной маскулинности — проблематизируются автором романа. Главная цель и забота героя — удержаться на достигнутой позиции, «не выпасть из системы». Это стратегия «господина», представителя элиты, презирующего массу, но испытывающего панический страх перед вполне реальной перспективой утраты своих привилегий и превращения в раба. Если выпадешь из системы — «не будет ничего» [Там же: 428]. Герой боится утратить основания своей гегемонии. Он осознает, что его позиция нестабильна, что он живет в эпоху формирования нового сословного

³ Существует легенда (а именно — устное предание), что консультантом при создании этого фильма был Игорь Семенович Кон.

⁴ Терехов А. Немцы. М. : Астрель, 2012.

общества, в котором проведены жесткие границы между элитным меньшинством и безвластной массой. «Сейчас окончательно делится народ — кто встроился, пойдет навсегда наверх, остальные навсегда — вниз» [Там же: 429]. Герою романа страшна перспектива оказаться внизу социальной лестницы: «сдавать квартиру, самим ехать за кольцевую», «скидки ловить», «откладывать на отдых», страшно представить, что будет, «если у тебя заболит мать и потребуются операция» [Там же: 429—430]. За материальные и символические блага, сопутствующие позиции, борьба идет буквально не на жизнь, а на смерть.

Маскулинность, претендующая на гегемонию, выстраивается за счет порабощения (субординации) других мужчин и диктует им закон массы: «Вы — стадо баранов! Вы не видите, что волки вокруг! Слабых будут резать!» [Там же: 440]. Однако «волк-одиночка» легко теряет свою силу, ибо она определяется системой, которая действует по жестоким правилам, исключая тех, кто не готов подчиняться. На наш взгляд, представленная в романе позиция носителей атрибутов успеха не может быть описана в категориях гегемонной маскулинности, поскольку она неустойчива, не считается легитимной и по сути сама остается зависимой. Не поддается контролю и частная жизнь героя, несмотря на все его административные усилия и силовое давление.

Неопределенность и неустойчивость позиции, претендующей на гегемонию, оборачивается не только невозможностью сохранить независимость от государства и управлять своей жизнью, которую подминает под себя обезличенная власть силовых структур и персонифицированная власть начальства. Она оборачивается разрушением чувств, романтических связей и, в экстремальном варианте, — драматическим крушением самой жизни и мужчин, и женщин.

Писатели чутко реагируют на социальные феномены. Представляя российские образцы успешной маскулинности, пользующейся привилегиями богатства и власти, они демонстрируют ее призрачность, нехватку легитимности, неустойчивость позиции. И в этом она оказывается близка моделям субординированной маскулинности.

Гегемонная маскулинность в России 1990-х гг. связывается с успешностью в профессиональной сфере (в том числе в теневой экономике), высоким статусом и материальным благополучием, престижным потреблением, а также с физической силой и возможностью применять насилие. Гегемонные же образцы маскулинности в 2000-е гг. скорее связаны с успешностью, материальным благополучием, властью сильного, но и характеризуются нехваткой легитимности и неустойчивостью позиции.

Исследования показывают непреднамеренные последствия гегемонной маскулинности и обозначают «цену», которую платят за следование ее предписаниям конкретные мужчины. Реализация предписаний этого идеала «несмотря ни на что» отрицательно коррелирует с показателями продолжительности жизни и состояния здоровья [Кон, 2008, 2009аб], [Тартаковская, 2010]. Такие социально ожидаемые от мужчин качества, как умение достигать целей и агрессивность, находят свое проявление в ориентациях на занятие позиций в сферах тяжелого и ответственного труда, которые сопряжены с физическими нагрузками и стрессами, становясь факторами риска для здоровья мужчин. Еще один фактор риска, сопряженный

с предписаниями гегемонной маскулинности, — контроль выражения эмоций. Эмоциональное измерение гегемонной маскулинности анализирует британский социолог Виктор Зайдлер. Описывая социальные механизмы отчуждения мужчин от своих эмоций, инструментализацию мужского тела, исследователь отмечает, что отождествление разума и сознания с маскулинностью приводит к эффектам телесного неглекта, подавлению эмоционального выражения, которые не остаются безнаказанными. Умение скрывать те эмоции, которые отождествляется со слабостью и женственностью, становится правилом мужского поведения, выполнение которого требует особого самоконтроля [Зайдлер, 2012: 85]. «Правильные мужчины» в западной культуре осуществляют постоянный контроль своего тела и сексуальности для подтверждения «мужского достоинства» и идентичности. Подавляя выражение «женоподобных» эмоций, мужчины зачастую и не осознают, и не понимают своих чувств, которые могут выражаться в агрессивных и насильственных формах действия.

Иерархия культурных моделей маскулинности приобретает разные смыслы в различных символических матрицах гендерного господства. Процессы глобализации открывают локальные гендерные порядки для внешнего влияния, давления и трансформации [Connell, Messerschmidt, 2005]. Формируются новые транснациональные коалиции мужчин и возникают попытки установить новые гегемонии. Неолиберальные и неоконсервативные идеологии актуализируют свойственные им гендерные модели. Религия, этноцентризм, призывы к безопасности также оказывают влияние на гендерные идеологии и продвигаемые идеалы маскулинности, которые подлежат расшифровке и истолкованию.

Важно понимать, что привилегии гегемонной маскулинности доступны далеко не всем мужчинам. Коннелл отмечает, что большинство мужчин, хотя и ориентируется на консенсусный нормативный образец, но на практике не в состоянии реализовывать представления о надлежащем мужском поведении. Исследовательница выделяет особый механизм «соучастия» или причастности (complicity) к проекту гегемонной маскулинности, дающий приверженцам некоторые дивиденды, но также предполагающий постоянные компромиссы и негоциации в семейных отношениях и в сфере занятости [Connell, 2005: 79—80]. Так, повседневные практики мужчин, причастных к гегемонной маскулинности, не всегда предполагают прямую доминанцию. Они верят в свое превосходство, несмотря на то что не могут подтвердить свои претензии конкретными показателями социальных достижений.

«Соучаствующие» мужчины занимают срединную противоречивую позицию между теми, кто обладает наибольшим объемом символической власти, и теми, кто бросает открытый вызов гегемонной маскулинности (гомосексуалы или профеминисты). Они просто «делают свой гендер», производя плюральные или гибридные маскулинности. Однако производство маскулинности, на которую они всегда ориентированы, предполагает неперенное ядро — гетеросексуальность и роль добытчика/кормильца.

Признание особой позиции причастности гегемонной маскулинности особенно важно при эмпирических исследованиях повседневной жизни и идентичности мужчин в условиях расхождения между идеалами и практиками мужественности [Aboim, 2010].

Мы писали выше, что категория гегемонной маскулинности, будучи основной «понятийной отмычкой» КИМиМ, является заряженным ядром дискурса, привлекающим понятия, непосредственно с ним соотносимые, проясняющие и дополняющие его. Так, **«утрированная женственность»**⁵ неразрывно связана с гегемонной маскулинностью. Эта модель репрезентации символического полового отличия широко тиражируется СМИ, а ее стержнем является подчеркнутое противопоставление мужскому образцу. Она предполагает подчиненное положение женщины, демонстрацию психологических качеств, приписываемых слабому полу, следование конвенционально исполняемым семейным женским ролям (прежде всего, матери и супруги) и дисплей гетеросексуальной привлекательности. Структурное основание конструирования «настоящей (утрированной) женственности» — ее подчиненное положение по отношению к гегемонной маскулинности. Поскольку женщины субординированы как группа, такой символический порядок не позволяет говорить о гегемонной женственности. Р. Коннелл проясняет этот тезис следующим образом. Во-первых, хотя некоторые женщины могут осуществлять господство и контроль над действиями других женщин, объем их власти не соответствует определению институционализированной гегемонии, а сами они находятся под контролем. Во-вторых, у них отсутствует возможность доминировать над другим полом [Коннелл, 2015]. Поэтому о гегемонии как идеологии, ставшей здравым смыслом, и организующей практики и привилегированные социальные позиции, исследователи говорят только применительно к маскулинности [Connell, 2000: 10—11].

Образцы гегемонной маскулинности и утрированной женственности, нацеленной на исполнение традиционных домашних ролей и выражение сексуальной привлекательности, в настоящее время пересматриваются во всем мире, включая Россию. Примером, в частности, является последний всплеск дискурсивного внимания к феномену сексуального домогательства в отношении женщин (harassment). Совсем недавно нормы поведения мужчин в публичном пространстве, если и не предписывали, то допускали проявление — в том числе и навязчивого — сексуального интереса мужчины (часто без учета желания женщины), а вызывающую сексуализированное внимание в публичных местах женщину обвиняли в избыточной сексуализации, манипулировании и провокативности. Данные нормативные образцы взаимодействия в публичном пространстве воспроизводили патриархатные принципы и патриархатные дивиденды. В настоящее время такие паттерны интеракций утрачивают свою привлекательность, а их допустимость проблематизируется, и этот болезненный процесс становится симптомом конфликта разных гендерных образцов и утраты патриархатной власти.

«Субординированная» и «маргинализованная» маскулинности как механизмы и эффекты социального исключения

Гегемония — это структура власти, реализующаяся с помощью механизмов создания неравенства, ключевыми из которых являются механизмы субординации (подчинения) и маргинализации. В патриархатном порядке иерархия муже-

⁵ Перевод термина «articulated femininity», выполненный Т. Барчуновой, кажется нам чрезвычайно удачным — здесь мы его используем.

ственности выстраивается дискурсивно и, в первую очередь, по критерию сексуальной ориентации и сексуальной идентичности. Границы очерчиваются между «нормальными» гетеросексуальными и «странными», чуждыми норме (в самом мягком выражении) гомосексуальными мужчинами. Хотя во многих обществах гетеросексуальная матрица ослабевает, в других она остается прежней или даже ужесточает свое давление. Мы живем в обществе, переживающем период постоянного конфликта и борьбы разных представлений о нормативной маскулинности. В классическом патриархатном обществе именно гомосексуалы подвергаются социальному исключению, их считают «ненастоящими мужчинами» и наделяют некоторыми феминными качествами.

Однако гомосексуалы не единственная субординированная маскулинность. Мужчины и мальчики, практики которых не полностью соответствуют гегемонным, могут обозначаться уничижительными оборотами речи, отсылками к женственности, такими как «девчонка», «баба», «плакса», «слабак», «сосунок», «маменькин сынок», то есть маркироваться как недостаточно мужественные. Такие ярлыки призваны оскорбить адресата, определить его действия как неподобающие, не соответствующие стандартам правильного мужского поведения. Подобная стратегия вербального снижения статуса использует разные дискурсивные приемы. Среди них — приписывание такому мужчине неприемлемых женских черт поведения, обозначение его как зависимого от женской власти, прямые референции к гомосексуальности.

Отношения неравенства между различными категориями мужчин формируются также с помощью механизма маргинализации, который действует интерсекционально, переплетая атрибуцию мужественности с расовыми, классовыми и иными маркерами социального разделения. Механизм маргинализации, выстраиваясь на тех или иных основаниях, создает иерархию внутри субординированных групп. Так, например, позиция чернокожего гомосексуала в США является маргинализованной по отношению к другим черным мужчинам, которые находятся в субординированной позиции по отношению к белым. Одновременно механизм маргинализации действует избирательно, выделяя группы на пересечении различных координат многомерной власти. К примеру, чернокожие атлеты в США могут быть выступать примером гегемонной маскулинности, но чернокожие мужчины в целом не занимают позицию превосходства [Connell, 2005: 80—81].

Маргинализованная маскулинность приписывается наиболее уязвимым и низко оцениваемым позициям социального пространства. Среди них — позиции люмпен-пролетариата и так называемого *under*-класса, расиализированные представители этнических групп, обозначаемые как нежелательные чужаки, вносящие беспорядок в правильное «чистое» общество. Маргинализируются те категории мужчин, для которых характерна нехватка ресурсов и власти в контексте ее глобального и локального распределения [Connell, Messerschmidt, 2005: 847—848].

Р. Коннелл подчеркивает, что гегемонная, субординированные и маргинализованные маскулинности не являются фиксированными типами, а скорее рассматриваются как конфигурации практик, порождаемых в определенных ситуациях и структурных контекстах [Connell, 2005: 76—81].

Описанные выше категории приобретают смысл при анализе глобальных процессов. Так, например, анализ транснациональных потоков трудовой миграции по-

зволяет конкретизировать представление о субалтерной маскулинности (вариант маргинализованной) [Choi, 2016]. Как мы знаем, ядром «настоящей маскулинности» является экономическая самостоятельность и возможности осуществлять роль кормильца в семье или домашнем хозяйстве. Во многих пост-колониальных и постсоветских контекстах этим ожиданиям можно соответствовать, лишь используя стратегию трудовой миграции. Работающие за границей (часто в тяжелых и бесправных условиях) обеспеченные мужчины могут поддерживать большие семьи, реализуя маскулинную роль; остальные же остаются безработными или занятыми на низкооплачиваемых временных работах. Они не могут соответствовать гегемонии и компенсируют это иными формами власти — насилием, употреблением алкоголя, преступностью и суицидами, то есть практиками «кризисной маскулинности» [Morrell, Swart, 2005]. Так, стратегия гегемонной маскулинности выстраивает гендерную иерархию и осуществляет номинацию позиций «лишних людей», «ненастоящих мужчин», мужчин, чья маскулинность «несостоятельна», «ставится под вопрос» [Роткирх, 2011], обозначается как «несостоявшаяся» (failed) или кризисная [Тартаковская, 2003], [Здравомыслова, Тёмкина, 2002].

Критика понятия «гегемонная маскулинность»

Понятие «гегемонная маскулинность» стало настолько популярным в исследованиях мужского опыта, что превратилось в своего рода «универсальную отмычку». Однако, как показывают современные авторы, эти претензии на универсальность не бесспорны. Понятие подвергается критике по нескольким основаниям. Во-первых, авторы отмечают ригидность типологии мужественности, проистекающей из использования этого понятия. Гибридные и промежуточные формы не схватываются аналитической рамкой (или описываются недостаточно убедительно). Гегемонной маскулинности противопоставляются лишь две модели — субординированная и маргинализованная.

Во-вторых, понятие «гегемонная маскулинность» с трудом подвергается операционализации, столь необходимой в конкретных исследованиях. Оно охватывает одновременно и культурные модели, и реальные практики, соответствующие занимаемым мужчинами престижным позициям, и идеологический механизм (и стратегию) гендерного различия и иерархии [Connell, Messerschmidt, 2005: 836—845]. Такой пучок толкований способствует неясности аналитической категории.

В-третьих, исследователи отмечают, что данный концепт недостаточно чувствителен к контекстуальным институциональным факторам и социальным изменениям, преувеличивает целостность и когерентность мужской субъектности и способности осуществлять стратегию доминирования. Внутренние противоречия и расщепленность субъекта, занимающего позицию гегемонии, остаются за пределами анализа. Реальность мужского опыта редуцируется к простым схемам. Без внимания остается то обстоятельство, что власть мужчин в локальных контекстах не всегда транслируется на более широкие социальные отношения [Hodges, Budig, 2010].

В-четвертых, многие авторы используют термин «гегемонная маскулинность» для обозначения совокупности негативно оцениваемых характеристик

мужественности, а именно — как синоним тотального мужского превосходства, и, прежде всего, угнетения, сексизма, мачизма, насилия, осуществляемых мужским субъектом. Однако в таком случае из данного понятийного поля исключаются «позитивные» качества, такие как обеспечение семьи, отцовство, принятие на себя ответственности, выполнение требующих большого напряжения работ и проч.

Критика понятия неизбежна, но она не делает его менее привлекательным для исследователей и, что главное, общественности. Как раз наоборот — каждый участник дискурса выбирает свой ракурс, отсылая к той версии понятия-отмычки, которая ему кажется уместной.

В современном российском контексте достаточно трудно операционализировать это понятие без учета того, к какому классу/социальной среде относится паттерн мужественности, насколько он стабилен и привлекателен и чем именно — деньгами, потреблением, знаниями, силой, сексуальностью — обеспечена власть данного образца и кто конкретно является его репрезентацией. Нам представляется, что устойчивой когерентной гегемонной маскулинности в настоящее время на российской сцене не существует, поскольку представления о гендерных ролевых моделях разнообразны и нередко конфликтуют между собой. Впрочем, уместно рассматривать гегемонию как стратегию власть имущих, направленную на утверждение жестких гендерных правил. В российском контексте, на наш взгляд, консенсус по поводу надлежащей маскулинности включает позиции добытчика, защитника и гетеросексуального партнера. Частично это суждение подтверждается исследованиями коллег, но по-прежнему нуждается в дальнейшей разработке и проверке.

«Кризис маскулинности» и «несостоявшаяся маскулинность»

Напряженность, связанная с мужской ролью (равно как и женской), постоянно обсуждается в публичном и академическом дискурсах в разных контекстах. В частности, понятие «кризис маскулинности» указывает на проблематизацию мужского опыта. Оно толкуется двояко в зависимости от встроенной в обсуждение идеологической перспективы автора. Так, одно из толкований можно назвать эмансипирующим или феминистским. Оно предполагает диагностику проблем мужского бытия в контексте издержек мужской гегемонии, непредвиденных и явных последствий жестко определяемой доминирующей роли и отвержения всех и всего, что с ней не согласуется. Именно такая трактовка типична для КИМИМ. Для описания практик мужчин, которые не в состоянии соответствовать образцам гегемонной маскулинности, используется также понятие «несостоявшаяся маскулинность» [Тартаковская, 2003]. Иногда эти понятия используются как синонимы: термином «кризис» обозначается системная ломка, а «несостоявшаяся маскулинность» используется для описания конкретного института, феномена группового или индивидуального уровня.

Другое толкование «кризиса маскулинности» представляет собой дискурсивный эффект сопротивляющегося андроцентризма (символического патриархата), переживающего ностальгию по «настоящим мужикам» и их привилегиям в условиях подрыва гегемонии. В таком случае обсуждение кризиса маскулинности становит-

ся составной частью стратегии гендерного традиционализма и консерватизма⁶, и именно такой формат его обсуждения превалирует в российском контексте.

Как писал И. С. Кон, «...начиная с 1970-х годов на Западе, а затем и в России стали говорить и писать о том, что традиционный мужской стиль жизни, а возможно, и сами психические свойства мужчин не соответствуют современным социальным условиям, что мужчины сдают свои главенствующие позиции или что им приходится платить за них слишком высокую цену. Этот синдром получил название “кризиса маскулинности”» [Кон 2009а: 13]. Так, вслед за нашим учителем, мы трактуем «кризис маскулинности» как проблематизацию гегемонии патриархатной нормы мужского поведения. Этот концепт широко используется для проблематизации поведения мужчин в разных сферах — браке, родительстве, сексуальности, насилии, преступности [Scourfield, Drakeford, 2002: 621].

Конфликты и напряженности, связанные с мужской ролью в современном индустриальном обществе, были отмечены уже в 1950-е гг. Т. Парсонсом. В обществе поздней современности они связываются в первую очередь с утратой монополии мужчин на позицию кормильца семьи и массовой вовлеченностью женщин в сферы оплачиваемого труда и политики. Кризис маскулинности обсуждается на индивидуальном и социетальном уровнях, на уровнях дискурса и коллективных практик [Morgan, 2006], [Kimmel, 1987]. В частности, на дискурсивном уровне — это признание того, что нормативная модель традиционной маскулинности не может более реализовываться.

Что же именно поменялось в ходе структурной гендерной трансформации второй половины XX века (а в России этот процесс начался еще раньше)? Необратимо выросла экономическая, репродуктивная и сексуальная независимость женщин: последние стали активными субъектами на рынке труда, в политике, образовании, семье и в обществе в целом, достигли существенных успехов в борьбе за свои права и эмансипацию [Morgan, 2006: 111—112]. Соответствующим образом изменяются и отношения власти между мужчинами и женщинами. Так, мужчины более не контролируют женскую способность к деторождению и даже в сфере интимных отношений их инициатива оказывается перехваченной. Мужчины среднего класса перестают быть монопольными кормильцами семьи, какими были их отцы и какими они сами надеялись стать [Morgan, 2006], [Levant, 1997], [Pleck, 1987].

Обрисованные чуть выше изменения поставили под сомнение гегемонию патриархатной модели маскулинности. В настоящее время с ней конкурируют иные образцы мужского поведения, которые по старым меркам были бы отнесены к вариантам субоднированным/маргинальным, словом — не соответствующим тому, что предписано «настоящим» мужчинам.

Многие группы мужчин все более ощущают невозможность соответствия нормативным предписаниям гендерной роли. Они испытывают постоянное недовольство собой и окружающими в связи с невозможностью отвечать предписаниям, которые прочно укоренены в их сознании и бессознательном [Kaufman, 1994; Levant, 1997]. Так, например, мужчины не подготовлены к заботе и эмоциональной рабо-

⁶ Обсуждение кризиса маскулинности изоморфно дискурсу о кризисе семьи. Консервативный и эгалитарный дискурсы толкуют их противоположным образом в зависимости от идеологических предпочтений авторов.

те, поскольку гендерная социализация ориентировала их на другие цели — в первую очередь, достижения в публичной сфере и конкурентоспособность [Levant, 1997]. Массовому привлечению мужчин к повседневным домашним заботам, которые по-прежнему составляют «вторую смену» для женщин [Hochschild, Machung, 2003], препятствуют традиционные представления о нерушимости и естественной природе фактически уже разрушенных гендерных границ.

Хотя концепт «кризис маскулинности» широко используется в современной литературе, СМИ и популярной культуре, он, тем не менее, остается весьма неопределенным по своему смыслу. Например, Р. Коннелл указывает, что термин «кризис» характеризует когерентность разрушаемой системы, в то время как маскулинность не является системой — это скорее конфигурация практик в рамках системы гендерных отношений. Потому, с его точки зрения, логичнее говорить о кризисе патриархатного гендерного порядка в целом, а не о кризисе маскулинности [Connell, 2005: 84].

Мы же используем данное понятие для описания критического дискурса о положении мужчин в позднесоветском и постсоветском обществе, в котором человек рода «он» [по Ушакин, 2002] предстает как жертва советской системы государственного принуждения и навязанной женской эмансипации, как субъект, страдающий от нехватки ресурсов для реализации и легитимации своей гегемонии [Здравомыслова, Тёмкина, 2002]. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе описывается как невозможность исполнения традиционных мужских ролей, связанных с отсутствием условий, — ограничениями либеральных прав. Критический дискурс выстраивался в своеобразную гендерную теорию виктимизации, согласно которой мужчины рассматривались как пассивные жертвы собственной биологической природы или структурно-культурных обстоятельств.

«Злые белые мужчины»: консервативная мобилизация

Мы уже писали выше, что кризис патриархатной маскулинности рассматривается консерваторами совсем иначе, нежели сторонниками КИМИМ. Так, адепты реанимации патриархата видят в разрушении гендерных границ несправедливую утрату своих патриархатных привилегий [Kaufman, 1994] и угрозу моральным устоям общества. Консервативные мужские движения хотят в той или иной степени восстановить традиционные нормы и образцы поведения [Messner, 1997], «естественный» порядок и свои привилегии «по праву рождения» [Kimmel, 2013]. Идеология таких движений рассматривает современных мужчин как жертв разрушительной для общества женской эмансипации и политик гендерного равноправия [Morgan, 2006: 121—122].

В этом контексте развиваются дискурсивные модели «консервативной» маскулинности, имеющей ностальгический характер. Консервативная мобилизация вступает в конфликт с идеологией диверсификации, также претендующей на гегемонию. Ниже мы кратко проанализируем две работы, в которых осмыслению подвергается агрессивная консервативная мобилизация белых мужчин в современном американском обществе. Так, нам кажутся очень важными исследования А. Хохшильд и М. Киммела, которые актуальны сегодня далеко не только для американской гендерной сцены.

Арли Рассел Хохшильд, исследуя феномен современной массовой электоральной поддержки американских правых в экономически неблагополучных штатах, задается вопросом: почему именно в тех регионах страны, где зафиксирован низкий уровень жизни и плохая экологическая ситуация, избиратели голосуют за сокращение государственных поддержек? Она обнаруживает, что поддержку правых политических сил обеспечивают белые мужчины среднего класса с уязвленным чувством собственного достоинства и «оскорбленной маскулинностью» [Hochschild, 2016]. Такие мужчины полагают социальную политику демократов несправедливой и разрушающей основания их мужской идентичности. Хохшильд обращает внимание на эмоциональные эффекты оскорбленной маскулинности: ненависть и гнев испытывают люди, занимающие конкретную социальную позицию на пересечении гендерных, расовых и классовых характеристик. Принадлежащие к среднему классу белые американцы во многих поколениях в южных штатах выполняли свою традиционную гендерную роль: работали в частном бизнесе, платили налоги, достигали успехов, и, «стоя в очереди», состоящей из равных им по гражданскому статусу конкурентов мужского пола, приближались к осуществлению американской мечты. Они обладали привилегиями уважаемых кормильцев семьи и считали свои привилегии заработанными и справедливыми. И вдруг они почувствовали, что правила игры ощутимо меняются и не в их пользу. Благодаря социальной политике демократов поддержку «вне очереди» стали получать те, кто раньше не мог конкурировать с ними — женщины, цветные, мигранты, гомосексуалы и даже... бурые пеликаны. Белые гетеросексуальные мужчины среднего класса видят в перераспределительной политике несправедливость, испытывают по этому поводу сильную фрустрацию. Фрустрация порождает агрессию, происходит ее политизация, и представители среднего класса становятся «злыми белыми мужчинами», переживающими утрату привилегий.

Та же линия рассуждений присутствует у Майкла Киммела, исследующего феномен «злых белых мужчин». Он рассматривает классовые и расовые структурные основания данного феномена. Автор показывает, что маскулинность утверждается через привилегии, которые их носители считают неотъемлемыми и «естественно присущими». Одна из глав книги посвящена практикам вооруженного насилия в американских школах [Kimmel, 2013]. Киммел показывает, что к агрессивным действиям наиболее склонны травмированные подростки из расово однородных белых школ, чье поведение не соответствует жестким нормам маскулинности, и, как результат, способствует буллингу в отношении них. Негативный опыт ведет к тому, что мальчики пытаются восстановить свою маскулинность через насилие — вплоть до вооруженного нападения на учителей и одноклассников. Там, где вместе учатся дети разных рас, сексуальностей, разных физических возможностей, где не культивируется один-единственный тип мужественности, шансы освоить иные модели маскулинности выше, а потенциал возникновения ненависти и использования насилия снижается. Исследователь объясняет рост насилия в школах тем, что до сих пор мужская социализация культивирует образ мужчины-мальчика, ориентированного на успех, и физическую силу: мальчикам по-прежнему прививают навыки агрессивного поведения и применения насилия в условиях фрустрации

и гнева. Плюрализация гендерных образцов, как показывает Киммел, до известной степени предохраняет от буллинга и его тяжелых последствий.

Таким образом, консервативная трактовка маскулинности опирается на жесткую гендерную идеологию. Исследования демонстрируют кризисное состояние гегемонной маскулинности в современном американском обществе. Растущее разнообразие гендерных норм встречает сопротивление со стороны патриархатной маскулинности, последним оплотом которой является насилие как ресурс восстановления справедливости.

В современном обществе поколеблен консенсус по поводу того, что значит быть мужчиной. Однако размытость нормативной матрицы не означает, что привилегированные группы мужчин полностью утратили ключевые позиции, например, в экономике или политике. Патриархатные дивиденды могут становиться более проблематичными, менее стабильными и доступными, но, как полагает Р. Коннелл, они продолжают существовать и во многих случаях считаются нормой [Connell, 2005]. В России также происходит плюрализация и размывание гегемонии, однако, как и в других странах, здесь усиливается консервативное сопротивление, нацеленное на охрану и продвижение гендерных привилегий.

Заключение

Критические исследования мужчин и маскулинностей обогатили гендерные штудии и публичный дискурс понятийным аппаратом, который обнажает иерархию и множественность маскулинностей. Анализ мужского опыта обрел относительную автономию, хотя во многом исследования маскулинностей развиваются изоморфно женским исследованиям. На наш взгляд, семантический куст категорий, в центре которого находится понятие «гегемонная маскулинность», оказался важным концептуальным вкладом в понимание гендерных отношений разного уровня.

Гегемонная маскулинность — ядро символической системы патриархата — рассматривается как механизм реализации мужского господства над женщинами и другими группами мужчин. Гегемония мыслится как идеология и нормативные представления, а также как определенные практики и стратегии, направленные на поддержание доминирующих позиций в определенных институциональных контекстах. Отношения гегемонии и доминирования, субординации и маргинализации — это отношения неравенства между разными группами мужчин.

В современных обществах изменяется положение мужчин, многие из которых утрачивают прежние привилегии. Невозможность следовать устоявшимся нормативным предписаниям приводит к неудовлетворенности. Утрата гегемонии патриархатной модели маскулинности описывается как кризис маскулинности.

Одни образцы маскулинности поддерживают патриархатный порядок, другие же его подрывают. Формируются модели маскулинности, которым соответствуют новые стили и стратегии гендерных отношений (например, эгалитарные партнерские союзы, про-феминисты, отцы, вовлеченные в повседневный уход за ребенком и т. п.). Современный инструментарий позволяет исследовать маскулинности как сложный динамичный континуум разных систем неравенств и привилегий, а также объяснять сопротивление эмансипационным образцам в конкретных культурных контекстах.

Мы хотим присоединиться к следующему пожеланию И. С. Кона, с размышлений которого начали эту статью. Мужчины очень разные. И эти разные современные мужчины, — уверен Кон, — могут «справиться с социальными вызовами эпохи. Однако для этого им необходимо (а) считаться с новыми социальными реалиями и (б) не равняться на один-единственный, причем заведомо упрощенный и идеализированный, образец гегемонной маскулинности. Особенно, если их личные задатки и качества этому типу не соответствуют» [Кон, 2009а: 452].

Список литературы (References)

Бёрд Ш. Теоретизируя маскулинности: современные тенденции в социальных науках // в кн.: Наслаждение быть мужчиной: западные теории и постсоветские практики / под ред. Ш. Бёрд и С. Жеребкина. СПб. : Алетейя, 2008. С. 7—37.

Bird S. (2008) Theorizing Masculinities: Recent Trends in the Social Sciences. Bird S., Zherebkin S. (eds.) *The Pleasure of being a Man: Western Theories of Masculinity and Post-Soviet Practices*. Saint Petersburg: Aleteya. P. 7—37. (In Russ.).

Бурдые П. Мужское господство // в сб. ст: Социальное пространство: поля и практики: сб. статей. СПб. : Алетейя ; М. : Институт экспериментальной социологии, 2005. С. 286—354.

Bourdieu P. (2005) Masculine Domination. Bourdieu P. *Social Space: Fields and Practices*. Saint Petersburg: Aleteya; Moscow: Institute for Experimental Sociology. P. 286—354. (In Russ.).

Ваньке А., Тартаковская И. Трансформации маскулинности российских рабочих в контексте социальной мобильности // Мир России. 2016. Т. 25. № 4. С. 136—153.
Vanke A., Tartakovskaya I. (2016) The Transformation of Russian Working Class Masculinities in the Context of Social Mobility. *Universe of Russia*. Vol. 25. No. 4. P. 136—153. (In Russ.).

Зайдлер В. Маскулинности, тела и эмоциональная жизнь // Социологические исследования. 2012. № 11. С. 85—94.

Seidler V. (2012) Masculinities, Bodies and Emotional Life. *Sociological Studies*. No. 11. P. 85—94. (In Russ.).

Здравомыслова Е., Тёмкина А. «Кризис маскулинности» в позднесоветском дискурсе // в сб. ст.: О муже(Н)ственности / ред. и сост. С. Ушакин. М. : Новое литературное обозрение, 2002. С. 432—451.

Zdravomyslova E., Temkina A. (2002) Crisis of Masculinity in Late Soviet Discourse. Oushakine S. (ed.) *On (Fe)Maleness*. Moscow: New Literary Observer. P. 432—451. (In Russ.).

Здравомыслова Е., Тёмкина А. 12 лекций по тендерной социологии : учебное пособие. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.
Zdravomyslova E., Temkina A. (2015) *12 Lectures on Sociology of Gender: A Tutorial*. Saint Petersburg: Publishing House of the European University at St. Petersburg. (In Russ.).

Здравомыслова Е., Тёмкина А. Интерсекциональный поворот в гендерных исследованиях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. XX. № 5. С. 15—38.

Zdravomyslova E., Temkina A. (2017) Intersectional Turn in Gender Studies. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. XX. No. 5. P. 15—38. (In Russ.).

Здравомыслова О., Арутюнян М. Российская семья на европейском фоне. М. : Едиториал УРСС, 1998.

Zdravomyslova O., Arutyunyan M. (1998) Russian Family on the European Background. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.).

Киммел М. Гендерное общество. М. : РОССПЭН, 2006.

Kimme M. (2006) *Gender Society*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.).

Кон И. Гегемонная маскулинность как фактор мужского (не)здоровья // Социология: теория, методы, маркетинг. 2008. № 4. С. 5—16. URL: <http://stmm.in.ua/archive/rus/2008-4/3.pdf>.

Kon I. (2008) Hegemonic Masculinity as a Factor of Male (Non-)Health. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*. No. 4. P. 5—16. URL: <http://stmm.in.ua/archive/rus/2008-4/3.pdf>. (In Russ.).

Кон И. Мальчик — отец мужчины. М. : Время, 2009б.

Kon I. (2009b) *Boy is Father of the Man*. Moscow: Vremya. (In Russ.).

Кон И. Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире : учебное пособие : Введение в гендерные исследования / под ред. И. Жеребкиной. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. Ч. I. С. 562—605.

Kon I. (2001) *Men's Studies: Changing Men in a Changing World*. Zherebkina I. (ed.) *Introduction to Gender Studies: A Tutorial*. Part I. Kharkiv: Kharkiv Centre for Gender Studies; Saint Petersburg: Aleteya. P. 562—605. (In Russ.).

Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М. : Время, 2009а.

Kon I. (2009a) *Man in a Changing World*. Moscow: Vremya. (In Russ.).

Кондаков А. Человек и гражданин: сексуальность как способ конструирования гражданственности в России // Неприкосновенный запас. 2012. № 5. С. 249—258.

Kondakov A. (2012) A Human Being and a Citizen: Sexuality as Machinery for Citizenship Construction in Russia. *Neprikosnovenniy zapas*. No. 5. P. 249—258. (In Russ.).

Коннелл Р. Гендер и власть. Общество, личность и гендерная политика. М. : Новое литературное обозрение, 2015.

Connell R. (2015) *Gender and Power: Society, the Person, and Sexual Politics*. Moscow: New Literary Observer. (In Russ.).

Костерина И. Конструкты и практики маскулинности в провинциальном городе: габитус «нормальных пацанов» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Том XI. № 4. С. 122—140.

Kosterina I. (2008) Constructs and Practices of Masculinities in a Provincial Town: Habitus of “Normalniy Patsan”. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. XI. No. 4. P. 122—140. (In Russ.).

Костерина И. Практики маскулинности в молодежных группах // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 116—125.

Kosterina I. (2010) Practices of Masculinity in Youth Groups. *Sociological Studies*. No. 1. P. 116—125. (In Russ.).

О муже(N)ственности : сб. статей / ред. и сост. С. Ушакин. М. : Новое литературное обозрение, 2002.

Oushakine S. (ed.) (2002) *On (Fe)Maleness*. Moscow: New Literary Observer. (In Russ.).

Рождественская Е. Социологическая концептуализация маскулинности // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 15—25.

Rozhdestvenskaya E. (2002) Sociological Conceptualization of Masculinity. *Sociological Studies*. No. 11. P. 15—25. (In Russ.).

Роткирх А. Мужской вопрос. Любовь и секс трех поколений в автобиографиях петербуржцев. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.

Rotkirch A. (2011) *The Man Question. Loves and Lives in Late 20th Century Russia*. Saint-Petersburg: European University at Saint-Petersburg Press. (In Russ.).

Тартаковская И. «Несостоявшаяся маскулинность» как тип поведения на рынке труда // в сб. научн. ст.: Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов / под ред. Л. Попковой, И. Тартаковской. Самара : Изд-во «Самарский университет», 2003. С. 42—70.

Tartakovskaya I. (2003) “Failed Maculinity” as a Type of Behavior in the Labor Market. In: *Gender Relations in Contemporary Russia. Studies of the 1990s* / Popkova L., Tartakovskaya I. (eds.). Samara: Samara University Press. P. 42—70. (In Russ.).

Тартаковская И. Гендерная социология. М. : Вариант: Невский Простор, 2005.

Tartakovskaya I. (2005) *Gender Sociology*. Moscow: Variant: Nevsky Prostor. (In Russ.).

Тартаковская И. Смертельная ноша маскулинности // Демоскоп Weekly. 2010. № 425—426. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0425/analit02.php>.

Tartakovskaya I. (2010) A Lethal Burden of Masculinity. *Demoscope Weekly*. No. 425—426. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0425/analit02.php> (In Russ.).

Ушакин С. Человек рода «он»: знаки отсутствия // в сб. ст.: О муже(N)ственности / ред. и сост. С. Ушакин. М. : Новое литературное обозрение, 2002. С. 7—40.

Oushakine S. (2002) A Human of Masculine. Gender: Signs of Absence. In: *On (Fe) Maleness* / Oushakine S. (ed.). Moscow: New Literary Observer. P. 7—40. (In Russ.).

Чернова Ж. «Корпоративный стандарт» современной мужественности. Инструкции по созданию // Социологические исследования. 2003. № 2. С. 97—103.

Chernova Zh. (2003) “Corporate Standard” of Modern Masculinity. A Guide to Creation. *Sociological Studies*. No. 2. P. 97—103. (In Russ.).

Юрчак А. Мужская экономика: «Не до глупостей, когда карьеру куешь» // в сб. ст.: О муже(Н)ственности / ред. и сост. С. Ушакин. М. : Новое литературное обозрение, 2002. С. 245—267.

Yurchak A. (2002) Male Economy. Business and Gender in post-Soviet Russia. In: *On (Fe)Maleness* / Oushakine S. (ed.). Moscow: New Literary Observer. P. 245—267. (In Russ.).

Aboim S. (2010) *Plural Masculinities: The Remaking of the Self in Private Life*. Farnham and Burlington, VT: Ashgate.

Butler J. (1990) *Gender Trouble. Feminism and the Subversion of Identity*. N.Y.; L.: Routledge.

Carrigan T., Connell R., Lee J. (1985) Toward a New Sociology of Masculinity. *Theory and Society*. No 14(5). P. 551—604. DOI: 10.1007/BF00160017.

Choi S. Y.P. (2016) Gendered Pragmatism and Subaltern Masculinity in China. Peasant Men's Responses to Their Wives' Labor Migration. *American Behavioral Scientist*. No 60(5—6). P. 565—582. DOI: 10.1177/0002764216632832.

Connell R. (2000) *The Men and the Boys*. Sydney: Allen & Unwin; Cambridge: Polity Press; Berkeley: University of California Press.

Connell R. (2002) *Gender*. Cambridge: Polity Press; Malden: Blackwell Publishers.

Connell R. (2005) *Masculinities*. Cambridge: Polity Press; Sydney: Allen & Unwin; Berkeley: University of California Press.

Connell R. (2014) Margin Becoming Centre: For a World-Centred Rethinking of Masculinities. *NORMA: International Journal for Masculinity Studies*. No 9(4). P. 217—231. DOI: 10.1080/18902138.2014.934078.

Connell R., Hearn J., Kimmel M. (2005) Introduction. Kimmel M., Hearn J., Connell R. (eds.) *Handbook of Studies on Men and Masculinities*. Thousand Oaks, CA: Sage. P. 1—12. DOI: 10.4135/9781452233833.n1.

Connell R., Messerschmidt J. (2005) Hegemonic Masculinity: Rethinking the Concept. *Gender & Society*. No 19(6). P. 829—859. DOI: 10.1177/0891243205278639.

Hearn J. (2011) Neglected Intersectionalities in Studying Men: Age/ing, Virtuality, Transnationality. Lutz H., Herrera Vivar M. T., Supik L. (eds.) *Framing Intersectionality: Debates on a Multi-Faceted Concept in Gender Studies*. Farnham, U.K.: Ashgate. P. 89—104.

Hearn J., Collinson D. (2006) Men, Masculinities and Workplace Diversity/Diversion: Power, Intersections and Contradictions. Konrad A., Prasad P., Pringle J. (eds.) *Handbook of Workplace Diversity*. London: Sage. P. 299—322. DOI: 10.4135/9781848608092.n13.

Hearn J., Collinson D. (2018) Men, Masculinities, and Gender Relations. Aldag R. J. (ed.) *Oxford Research Encyclopedia of Business and Management*. Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/acrefore/9780190224851.013.55.

Hearn J., Louvrier J. (2015) Theory of Difference, Diversity and Intersectionality: What do They Bring to Diversity Management. Bendl R., Bleijenbergh I., Henttonen E., Mills A. J. (eds.) *The Oxford Handbook of Diversity in Organizations*. — Oxford: Oxford University Press. P. 62—82. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199679805.013.28.

Hochschild A. (2016) *Strangers in Their Own Land: Anger and Mourning on the American Right*. N.Y.: The New Press.

Hochschild A., Machung A. (2003) *The Second Shift: Working Parents and the Revolution at Home*. N.Y.: Viking.

Hodges M., Budig M. (2010) Who Gets the Daddy Bonus? Organizational Hegemonic Masculinity and the Impact of Fatherhood on Earnings. *Gender & Society*. No 24. P. 717—745. DOI: 10.1177/0891243210386729.

Kaufman M. (1994) Men, Feminism, and Men's Contradictory Experiences of Power. Brod H., Kaufman M. (eds.) *Theorizing Masculinities*. Thousand Oaks, CA: Sage. P. 142—163.

Kimmel M. (1987) The Contemporary "Crisis" of Masculinity in Historical Perspective / Brod H. (ed.) *The Making of Masculinities*. Boston: Alien & Unwin. P. 121—154.

Kimmel M. (2005) Globalization and its Mal(e)contents: The Gendered Moral and Political Economy of Terrorism / Kimmel M., Hearn J., Connell R. (eds.) *Handbook of Studies on Men and Masculinities*. Thousand Oaks: Sage. P. 414—431. DOI: 10.4135/9781452233833.n24.

Kimmel M. (2013) *Angry White Men: American Masculinity at the End of an Era*. N.Y.: Nation Books.

Kimmel M., Hearn J., Connell R. (2005) *Handbook of Studies on Men and Masculinities*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.

Kimmel M., Messner M. (eds) (2009) *Men's Lives*. N.Y.: Macmillan/Maxwell.

Levant R. (1997) The Masculinity Crisis. *Journal of Men's Studies*. No 5(3). P. 221—229. DOI: 10.1177/106082659700500302.

Lykke N. (2010) *Feminist Studies: A Guide to Intersectional Theory, Methodology and Writing*. N.Y.: Routledge.

Messner M. (1997) *Politics of Masculinities: Men in Movements*. Thousand Oaks, CA: Sage.

Morgan D. (2006) The Crisis in Masculinity. Davis K., Evans M., Lorber J. (eds.) *Handbook of Gender and Women's Studies*. London: Sage. P. 108—125.

Morrell R., Swart S. (2005) Men in the Third World: Postcolonial Perspectives on Masculinity. Kimmel M., Hearn J., Connell R. (eds.) *Handbook of Studies on Men and Masculinities*. Thousand Oaks, CA: Sage. P. 90—113. DOI: 10.4135/9781452233833.n6.

Pearse R., Connell R. (2016) Gender Norms and the Economy: Insights from Social Research. *Feminist Economics*. No 22(1). P. 30—53. DOI: 10.1080/13545701.2015.1078485.

Pleck J. (1987) *The Myth of Masculinity*. Cambridge, MA: MIT Press.

Scourfield J., Drakeford M. (2002) New Labour and the “Problem of Men”. *Critical Social Policy*. No 22(4). P. 619—640. DOI: 10.1177/02610183020220040401.

Yuval-Davis N. (2006) Intersectionality and Feminist Politics. *European Journal of Women’s Studies*. No 13(3). P. 193—210. DOI: 10.1177/1350506806065752.